

Неспокойная сегодня погода. Хмурый свет медленно течет из окна. В углу тихо трещит телевизор, а минутная стрелка едва приблизилась к полудню.

На кровати, слегка наклонив голову, сидит пожилой человек. На вид лет ему никак не меньше семидесяти. Он стар, кожа у него сухая, морщинистая, а волос седой, серебристый. Только брови все еще широкие, темноватые и так интересно опущены, словно грустят. Сидит он, почти не шевелясь, изредка поводя бесцветными глазами из угла в угол. Вид чистой комнаты его явно радует. Увы, он теперь немного может сделать собственными руками. Но как не убраться, когда каждая вещь в доме — целая история. Одному только шкафу лет тридцать, вон тому пианино двадцать, а портсигар, тот, кажется, еще от отца достался.

В ностальгии проводит он уставшей рукой по обманчиво гладкому одеялу. Приятное покалывание заставляет его улыбнуться. Правильно говорят: чем больше живешь, тем меньшему радуешься. Он еще несколько раз провел рукой по шершавой поверхности, скинул на пол несколько невидимых ворсинок и только тогда уговорил себя подняться.

Жизнь пролетела как одно мгновение. Прошлое больше не было фильмом, теперь это скорее застывшие картинки. Вот он, ребенок, лезет на чердак посмотреть на птиц. Хватается дрожащими ладонками за перекладину. Смотрит вниз, а там, под лестницей, ему уже двадцать, он студент. Волосы вьются, он улыбается. Тонкими, почти женскими руками раскидывает он по улице ноты. А вот с прищуром глядит на мужские крепкие руки, поднимающие родную девочку к Солнцу. Сначала одну, потом вторую. Он слышит их смех, слова, шаги. И снова перед глазами руки, его руки. Уставшие, блеклые, немощные. В синих буграх вен, коричневых старческих пятнах. Чужие они стали, как не свои.

Согнутыми пальцами проводит он по крышке пианино. Кожей чувствуя грубый, истертый от времени лак, мелкие царапины, тонкую ткань, кружево. Незаметно ощущения переходят в музыку. Беззвучно перебирая по сетчатой ткани, он играет блюз. Воздух наполняется крепким табачным дымом. В закрытые глаза бьет слепящий свет. Рядом важно звучит саксофон, слышно, как урчит гитара. В зале поднимается рука с красным огоньком сигареты:

— Сыграйте что-нибудь повеселее.

— Хорошо.

Не отрывая рук от пианино, он подвигает ногой стул. Плечи его начинают часто подрагивать. Пальцы мелькают. Продолжая играть, он то наклоняется к инструменту всем телом, то, наоборот, откидывается назад, улыбаясь чему-то невидимому. Но вот композиция закончилась. В зале наступила тишина. Используя короткий перерыв, он переводит дух. Вытирает о брюки вспотевшие руки. И равномерно отбивая ногой ритм, начинает играть «медленный танец». Один за другим у него за спиной гаснут в пепельницах яркие угольки. Мужские и женские тени, передвигаясь в такт музыке, неспешно заполняют свободное пространство зала. Вместе с ними, плавно покачиваясь из стороны в сторону, двигается и он. Пальцы его больше никуда не спешат, они почти бесшумно касаются инструмента. Каждый раз все медленнее и медленнее, пока не замирают совсем. Еще слышалось эхо звучавшей музыки, а свет уже начал исчезать. Позади, прощаясь, тают человеческие тени, рассеивается крепкий запах табака. С шумом защелкнулся футляр саксофона, соединилась молния на гитарном чехле. Нагнувшись, он поднял белую ажурную ткань, незаметно упавшую на пол во время игры. Накрыл ею пианино, любовно разгладил. И только тогда услышал, как опустилась деревянная крышка рояля.

Прояснилось. На улице, в комнате стало светлее. Короткая остановка закончилась, и жизнь вернулась на круги свои. Опираясь одной рукой на стул, он поднялся и подошел к окну. Мир за стеклом жил своей непонятной, муравьиной жизнью. Рядом с ним, внизу под его ногами, происходило что-то быстрое, за чем он уже не мог угнаться и как следует рассмотреть. А ему больше не хотелось ни спешить, ни перемен, ни дождя.

Наконец настал полдень. Не успели часы пробить двенадцать раз, а он уже, по своему обыкновению, стоял в коридоре перед зеркалом. Привычным жестом расправил седые волосы так, чтобы прикрыть залысины. И, явно довольный результатом, начал одеваться. Синяя теплая куртка, коричневый с кремом шарф и шляпа — черная с серой полоской.

О, эта шляпа, столько воспоминаний! Он купил ее, когда единственный раз в своей жизни был в Париже, у мастера-шляпника, чьи инициалы по иронии судьбы совпали с его собственными. Ни у кого вокруг не было шляпы, привезенной из Парижа, и уж тем более не было шляпы, сделанной специально для него на заказ в самом Париже! Он любовно провел пальцами по подкладке, пытаясь найти родные инициалы. А вот и они: вышитые красной нитью буквы К. и Д. Нет, это не просто шляпа, а самая настоящая семейная реликвия. Не отводя взгляд со своего отражения, он не торопясь надел ее. Аккуратно поправил. Улыбнулся.

Остались позади тридцать три ступени. Двое незнакомых соседей и одна знакомая соседка, перед которой пришлось снять шляпу. И вот перед глазами осенний пейзаж. Холодный камень бульвара, разукрашенный желто-красными пятнами листьев. Люди с засунутыми в карманы руками. И пустота. Бесконечная осенняя пустота с бездонным небом и прозрачными силуэтами.

Идя по опавшим листьям — этим ярким следам ушедшего лета, — он медленно, никуда не торопясь, пошел вниз по бульвару. Он ходил по этим местам сотни, а может быть, даже тысячи раз и, конечно, знал каждую улицу, каждый дом на своем пути, но воздух сегодня был особенно свеж, и, может, поэтому свежими были и впечатления. Мимо, не спеша, текли дома, машины. Прохожие старательно обходили его и справа, и слева. Одни при этом делали недовольные лица, другие извинялись. Все куда-то торопились, и никому не было дела до гуляющего старика. А он просто шел, ничему не удивляясь и ни о чем не беспокоясь. Ведь гулять невозможно одному, идти — да, а гулять — нет. Когда ты гуляешь, весь мир гуляет вместе с тобой.

Впереди показалось кафе. Одно из тех, что на теплый сезон прирастает облегченным летним вариантом. Зеленые зонтики, белые стулья, столики. Официанты в белоснежных рубашках и зеленых передниках всеми силами пытаются создать атмосферу ресторана на свежем воздухе. Таким кафе было пару дней назад, а сейчас, подхваченные официантами, неизвестно куда пропадали белые столики, а вместе с ними, паря по воздуху, исчезли и стулья. И все это происходило так быстро, что вскоре под большей частью зонтов не осталось ничего, кроме тени.

Если подумать, он никогда не был в кафе. Работая в ресторане, он не посещал подобные заведения. Не то чтобы он был сноб, просто у подобных кафе никогда не было пианино, а это противоречило его религии. Но, как говорится, почему бы и нет? И с этой мыслью он перешагнул через порог и занял самый дальний столик.

Молодой человек в зеленом фартуке не заставил себя долго ждать. Привычным движением он подал гостю меню и, видимо, оценив возраст клиента, исчез, прихватив пару стульев у соседнего столика.

Холодные блюда и закуски. Салаты. Горячие закуски. Десерты. Напитки. Спиртные напитки. Пробегая глазами страницу за страницей и не находя для себя ничего интересного, он все же решился сделать заказ, ради одного только уважения, разумеется.

— Один кофе, пожалуйста, — сказал он, стараясь держаться так, как будто помимо кофе в его заказ также входило вино и фирменное блюдо.

— Какой? — важным тоном переспросил официант. И не дожидаясь ответа, стал перечислять.

— Эспрессо. Мокко. Капучино. Глясе. Или, может, с конь...

— Обычный, — невозмутимо ответил старик.

Дернув уголком рта, что могло значить «я так и знал» или «ну вот, еще один», официант засунул в карман приготовленные блокнот и ручку, прихватил со стола меню и, не забыв взять еще один стул, удалился.

Свинцовое небо медленно катилось куда-то по своим делам, видимо, ища место, где бы оно могло спокойно выплакаться. Думая о том, какой сегодня замечательный день, старик снял шляпу и положил ее на стол. Вокруг было пустынно. Несмотря на прохладу, день был в самом разгаре, и прохожие не спешили войти в кафе. Зато каждый раз, когда такое случалось, из-за зеленой двери неизменно слышалось: «Добро пожаловать!» или «Здравствуйте!».

Через большое окно он видел, как посетители, ежась от холода, занимали места и начинали беседовать. Слов слышно не было, но по выражениям лиц, улыбкам, по опущенным вниз глазам, он читал радость, неловкость, иногда любовь. Было приятно сидеть вот так, на улице, наблюдать за людьми. Чувствовать телом холод, а душой тепло.

Дзин-дзин — раздался звук проезжающего велосипеда. Он оглянулся. Через коридор столов и стульев ему несли дымящийся кофе.

— Благодарю, — ответил он и, расплатившись, первым делом с силой вдохнул вьющуюся струйку пара. Конечно, он не был экспертом, но запах кофе был одним из его самых любимых. Грубовато-сильный, он давал ему гораздо больше, чем сам напиток, который, по правде говоря, был для него всегда слишком горьким. Зато сочетание темного кофе и белой чашки было ему по душе. Это чай можно пить из любой посуды, а вот кофе — кофе можно только из белой, потому что так он смотрится лучше всего на свете.

Не отрывая чашки от стола, он отхлебнул, сделал глоток и тут же поморщился. Горячая жидкость приятно прокатилась внутрь. Сразу стало теплее. После второго глотка он осмотрелся и, к своему удивлению, на противоположном конце террасы увидел женщину, подобно ему, одиноко сидевшую в компании опавших листьев.

Стол рядом с ней был пуст, она ничего не заказывала. Время от времени в ее руках появлялся крохотный черный предмет с зеркальной поверхностью, обыкновенное зеркальце, но она смотрела в него так, словно, кроме себя, хотела увидеть еще и то, что творится у нее за спиной, где ничего не происходило. И убеждаясь в этом, она щелкала зеркальцем, убирала его, продолжая сидеть в тени зонтика так, чтобы не привлекать внимания. Никто, кажется, не замечал ее. Официанты с безразличным видом проходили мимо.

«Может, я один вижу ее», — метнулась у старика абсурдная мысль, от которой ему самому стало смешно. Не отрывая взгляда от женщины напротив, он сделал быстрый глоток, поморщился, прихватил со стола шляпу и без лишних раздумий направился к ней.

Пройдет совсем немного времени и молодой человек в зеленом переднике небрежно выльет оставленный кофе в кусты и закроет зонт.

— Извините, — снимая шляпу, обратился он к сидящей женщине, про себя отметив, как странно на нее повлияло обычное обращение. Поняв, что обращаются к ней, она как-то чересчур резко вскинула голову, и во взгляде ее красивых, закрытых большими ресницами глаз промелькнул едва уловимый блеск, почти уступивший место разочарованию, а потом и вежливому безразличию.

— Извините... — снова повторил он, не совсем уверенный в том, что его услышали. — Могу я с вами познакомиться?

В ответ она улыбнулась. И, не убирая руки от лица, отрицательно покачала головой.

— Тогда вы, может, разрешите мне занять свободное место рядом с вами.

Она снова отрицательно покачала головой.

— Ну что ж тогда придется пойти иначе. Гарсон! — негромко окликнул проходившего мимо официанта с двумя стульями в руках.

— Один, пожалуйста.

Молодой человек, до которого, видимо, не сразу дошел смысл сказанного, сперва подозрительно посмотрел на старика, потом на пустой стул, уже стоявший у стола. Видимо, прикидывал, зачем двум людям может понадобиться третий стул. Однако спрашивать ничего не стал и, краем глаза взглянув на сидящую рядом женщину, один стул все-таки оставил.

— Вы всегда так настойчивы? — спросила она, разглядывая себя в зеркальце и поправляя и без того идеально уложенные волосы.

— Нет, конечно. Только после того, как мне исполнилось семьдесят, я наконец понял, что мне особо нечего стесняться. И, по-особому продолжительно глядя на нее, добавил:

— Да, пожалуй, стоит пожить еще немного.

Неловкая пауза. Нервозность.

— Какое тут должно быть плохое обслуживание, раз они позволяют прекрасной даме сидеть за пустым столом. Надо заказать что-нибудь.

— Это совсем не обязательно, — мягко и вместе с тем категорично сказала она. — Они уже привыкли к тому, что прекрасная дама ни в чем не нуждается.

— Зато пожилые люди, напротив, нуждаются в постоянном уходе. Он поднял руку, подавая знак официанту.

— К тому же, мы иногда бываем очень капризными.

— Чего желаете? — пронеслась над столом механическая фраза.

— Один кофе, будьте добры.

— Обычный?

Пожилый человек сделал паузу, словно припоминая что-то, а потом добавил, взглядом указывая на сидевшую рядом женщину:

— Дайте тот, который может поднять настроение.

Ничего не записывая, официант заговорщически улыбнулся, сделал разворот и исчез так быстро, как будто поручение ему дал не кто иной, как сам хозяин заведения.

— А я смотрю, вы весьма опасны, — смеясь одними глазами, произнесла она.

— Нет, что вы. Перед вами обычный пенсионер, решивший составить вам компанию.

— И почему же он так решил?

Черный крохотный предмет снова мелькнул у нее в руке.

— Честно говоря, все дело в шляпе.

— В чем, простите?

— В шляпе, — невозмутимо повторил он. И словно в доказательство своих слов неторопливо провел шляпой в воздухе. После чего, так же не спеша вернул ее обратно туда, где она все это время лежала, то есть на колени.

— Знаете, а вы мне сначала не показались настолько старым, — то ли с иронией, то ли серьезно произнесла она. — Мне даже жаль, что я ошиблась.

— Вы напрасно так говорите. Эта шляпа принадлежала еще моему деду, потом моему отцу и, таким образом, я уже третий пожилой человек, который ею владеет. И за все время, проведенное у нас на головах, она прекрасно научилась разбираться в людях.

— Сейчас вы напомнили мне фокусника. Они всегда ловко говорят перед представлениями.

— Конечно, сразу трудно поверить, но эта обычная с виду шляпа может много рассказать о человеке.

— Ну и что же она говорит обо мне?

— Она говорит, что вы одна. Сидите и ждете кого-то, кто сегодня не придет. Может быть, даже потому, что не знает, что нужно куда-то идти. А вы здесь, в месте, которое, похоже, имеет для вас особое значение, мучаете себя пустой надеждой и воспоминаниями.

— Так очевидно... — обратилась она больше к себе, чем к своему собеседнику, и черный предмет сделал задумчивый круг у нее в руке. — Быть может, есть еще что-то, что рассказала вам ваша шляпа?

— Еще она сказала, что вы не верите в чудеса.

— Я не верю в суеверия.

— Речь не о суевериях, а о чудесах. Больших, маленьких, не так важно, главное, чтобы настоящих.

При этих словах он пару раз таинственно провел рукой над шляпой. После чего извлек из нее красно-желтый лист клена и протянул его даме.

— Жизнь слишком коротка, чтобы не верить в чудо.

— А вы умеете убеждать, — сказала она, отодвигаясь назад и давая возможность официанту поставить чашку только что приготовленного кофе. Возможно, сегодня я и поверю.

— На сегодня и на всю жизнь, — отозвался старик и достал, правда, уже не так ловко, из шляпы деньги.

Ставший знакомым молодой человек, несколько не смущенный странной выходкой пожилого клиента, спокойно принял деньги и, пожелав приятного времяпровождения, удалился.

— А вы знаете, что ни в коем случае нельзя открывать ее сверху? — сказала она, вертя в руках бумажную упаковку с надписью «Сахар».

Он отрицательно покачал головой, так как никогда об этом не то что не знал, но даже и не задумывался.

— Ее нужно ломать пополам. Вот так. Она аккуратно разорвала пакетик на две части. — Так мне сказал человек, который, как он выразился, придумал такую упаковку для сахара... А мне одной всегда было мало. Наверное, стоило спросить у официанта еще...

— Не беспокойтесь. Сейчас он вернется.

— Вы так думаете?

— Поверьте мне, когда официантам что-то интересно, то они бывают назойливее мухи. Сами увидите.

— Звучит обнадеживающе... Работали?

— Нет, что вы. К кафе я в жизни не имел никакого отношения. Считайте меня человеком, который часто бывал в ресторанах.

— А на самом, деле вы?

— ...Человек, который часто бывал в ресторанах.

— Все с вами ясно... Так, сколько я вам должна за кофе?

— Мне? Ничего. Это все шляпа. Сегодня она угощает. Но вы же не будете отдавать ей деньги — это было бы немножко ненормально.

— Ничего подобного. Я ведь все еще должна ей за рассказ.

— Только в том случае, если он был точным.

— Точным...

Чайная ложечка в ее руке ударилась об стенку чашки и остановилась.

«Здравствуйте», — донеслось откуда-то издалека и стало тихо.

— Давайте и вам закажу? — сказала она, заметив, что он с интересом смотрит на чашку с кофе.

— Нет, нет. Мне нельзя, — вымолвил он, указывая на левую часть груди. — Сердце. Сегодня я свое уже выпил.

— Вы любите кофе?

— Больше запах.

Эти слова вызвали у нее улыбку, и она аккуратно пододвинула чашку с кофе ближе к своему собеседнику. И оба они улыбнулись.

— Значит, вы хотите знать, насколько угадали, — в голосе ее послышались тревожные нотки.

По своему опыту он знал, что сейчас следует промолчать, и поэтому, ничего не ответив, только шевельнулся на стуле.

— Вам, наверное, интересно или просто любопытно. Возможно я сейчас смешно выгляжу. Сама не понимаю, что говорю. — Тут она перевела взгляд на свободное место. — Зачем говорю? Недавно вы сказали, что я жду, и были правы. Сказали, что он может даже не знает, что нужно прийти, и снова были правы. Что я тогда здесь делаю? Я жду. Мы познакомились пять месяцев назад на этом самом месте. Он сидел здесь, — сказала она, имея в виду пустое кресло. Мы говорили, как будто давно знали друг друга, как родные люди. Кажется, я до сих пор помню каждое слово, жест, взгляд. Еще бы. — Она усмехнулась. — Начало лучших дней в моей жизни. И каждую неделю в этот день мы приходили сюда. Делали вид, что не знаем друг друга, и знакомились заново. Два раза я ему даже отказала. Наш милый ритуал... А потом мы расстались. Глупо. Неопределенно. Случайно?

Она опять усмехнулась и замолчала. А он не знал, что ответить. На крутившегося неподалеку официанта никто не обратил внимания. Прошло несколько тягостных минут, во время которых она несколько раз повернула кружку, а он не знал, куда ему смотреть. Оба молчали.

— Я была так счастлива, я не знала, что нужно делать. Невероятно, да? Я и сама себе не верю. Сейчас, спустя некоторое время, мне даже кажется, какая-то

часть меня хотела расстаться. Знаю, вы скажете: дура. Но, поймите, боль — долгая, изнурительная боль — она мне знакома. А радость — нет. Все было по-новому, говорят еще, как во сне, как будто я и не любила ни разу до этого. Сейчас даже вам рассказываю, а у самой уже тесно в груди стало.

— Не стоит так сильно волноваться, — сказал он, видя, что его собеседница начала нервничать. — Выпейте кофе, а то совсем остынет.

— Да, конечно, — согласилась она, но едва чашка коснулась ее губ, как беспокойные мысли снова взяли на ней верх, и она, так и не отпив, заговорила опять.

— Не понимаю. Ничего не понимаю. Должно было пройти, кончиться. Ан нет. Пришла же сюда. Второй раз пришла. Зачем? Скамейки в парке, где мы были вместе, уже поменяли. Когда я увидела новые, обрадовалась. Думаю — вот и конец истории. Чистый лист, все заново. Но нет, все равно сижу здесь с вами, мучаю и себя и вас. Думаете, я просто так вам все это рассказываю. Не-ет, в глубине меня, под сердцем, есть надежда, что судьба или Бог, которые ходят тут рядом, невидимые, услышат меня, сжалятся и вернут все. Дадут шанс. И живу я последние два месяца в постоянном чувстве, что вот-вот что-то должно произойти, а ничего не происходит. Чувства мои обострились. Я слышу звонки, сообщения, бегу, беру телефон, а там все по-прежнему. Пусто. И знаю, что бесполезно, и все равно каждый раз боюсь не услышать. Мне сказали, что это болезнь. Я не виновата, понимаете? — Усмешка в очередной раз исказила ее бледные губы. — Оказывается, я никакая не дура, а просто больна.

Тут она замолчала и, словно в подтверждение своих слов, проводила взглядом идущего мимо мужчину.

— Всего хорошего. Приходите к нам еще! — раздалось откуда-то издалека, радостно зазвенел колокольчик, и стало тихо. Неприятно тихо.

Он никогда не любил исповедей. Всегда длинные, безутешные, одинаковые — они лишь способ облегчить душу. Смыть грех, передать другому, чтобы потом снова с чистым сердцем начать все сначала. Он знал, хорошо это знал... И сейчас ему, как всегда, было бы безразлично, если бы не жалость, непонятно почему появившаяся у него внутри. Были ли в этом виноваты большие, словно с иконы сошедшие глаза, или же все заключалось в пальцах — тонких, изящных, как у пианистки. А может, просто возраст. Но ему вдруг захотелось действовать, непременно что-нибудь сделать для нее.

— Не стоит расстраиваться, — вдохновенно произнес он и сам удивился мягкости собственного голоса. — Печаль вам не к лицу. Вот посмотрите сюда. — Он поднял шляпу на уровень стола и, убедившись, что она следит за его действиями, сказал: — По секрету, главная тайна этой шляпы в том, что она заставляет людей забыть все плохое и начать улыбаться.

— Не стоит, — едва слышно отозвалась она. Но он уже положил шляпу ей на руку, а у нее не было желания сопротивляться.

— А вы попробуйте. Тот, кто примерит ее, обязательно станет счастливым. Безучастно глядя на черный головной убор, она подчинилась. Жестом, в котором было что-то обреченное, она надела шляпу, и...

И ничего не произошло. Не поднимая головы, со спрятанными под полями шляпы глазами, она замерла, может быть, даже заплакала. Не видно было лица, слез. Только дыхание ее стало неровным, сбивчивым, как будто что-то мешало ей и не давало дышать.

Он ждал. Ждал, пока она придет в себя. Вокруг не было ни души. Все, кроме стола, за которым они сидели, было уже давно убрано. Не осталось ничего, кроме этого последнего обрывка странной истории, и который непременно исчезнет, стоит им только подняться. Он незаметно коснулся стола, теперь уже почти ставшего

воспоминанием. Ничего не остается — все исчезает. Один взгляд на молодую цветущую женщину напротив, и внутри у него шевельнулось неприятное чувство безнадежности.

Несмотря на возраст, ему по-прежнему нравилось смотреть на красивых женщин. Они давали ему ни с чем не сравнимое ощущение жизни, полета. Делая его умнее, остроумнее, чем он был на самом деле. Поэтому, рассматривая собственные туфли как всегда с оббитыми неизвестно где носами, ему было хорошо, и хотелось, чтобы все это никогда не заканчивалось. Иными словами, утешающий сам утешался.

Когда он наконец поднял глаза, то увидел прямо перед собой едва заметную улыбку. Да, она смотрела на него и улыбалась.

— Кажется, ваша шляпа уже работает.

— Правда? То есть я хотел сказать, да, конечно, она работает.

— Не удивляйтесь. Я же говорила, что умею брать себя в руки.

— Так вы в порядке?

— Скорее всего, да. Жаль только, кофе остыл совсем, — сказала она, глянув на так и не тронутую чашку. — Сейчас не помешало бы согреться.

И она полушутя поежилась как будто от холода.

— Можно заказать еще один, — живо отозвался он. Но она не дала ему продолжить.

— Не надо. Я уже и так отняла у вас много времени. Пора и уходить, уходить... Только, пожалуйста, простите меня, ради Бога. Я, правда, не хотела всего этого говорить. Сама не знаю, что на меня нашло, вот и сейчас, видите... В общем, не думайте обо мне плохо. На самом деле, я сильный человек.

— Не бывает сильных людей, бывает много терпения.

— Наверное.

Она встала, сняла шляпу и протянула ее своему собеседнику.

— Вот возьмите, пожалуйста. Она мне очень помогла. Нет, вы мне очень помогли. А ведь мы даже незнакомы...

Она вопросительно посмотрела на него, и он уже был готов представиться, как вдруг она, не дождавись ответа, сказала.

— Вы хороший человек, и мне, мне не хочется втягивать вас. Но... могу я попросить вас, — тут она заколебалась, слова давалась ей нелегко. — Могу я попросить вас еще об одной услуге.

— Конечно, — ответил он

— Сегодня не могли бы мы с вами еще раз здесь увидеться.

— Бойтесь оказаться одна?

Она ничего не ответила, только кивнула головой в знак согласия.

— Что ж, видимо, вот он. Мой последний подвиг.

— Тогда через два часа, — обронила она на прощание. И, отстраненно посмотрев вокруг, вышла из кафе. А он остался сидеть и смотреть ей вслед, желая только одного: чтобы она обернулась. Но она исчезла, так и не оглянувшись. Вокруг него стал кружить официант, говоря о чем-то неважном, вроде «можно унести» или «вы еще будете» или «мне очень неприятно вас просить об...», а он, не слыша, все еще продолжал видеть женщину в черном платье с иконописным лицом.

Идя обратно, он думал о том, какие удивительные вещи происходят каждый день, и, что самое главное, совсем рядом. А все эти люди, которых он встречал по дороге, идут и ничего не знают.

Потом он подумал о том, что как странно, что человек может бояться счастья и почему все известные ему религии учат терпеть боль, но ни одна не учит, как быть счастливым. И сам себе ответил. Люди не боятся счастья, они боятся потерять его,

поскольку ничто в этом мире не вечно. Родители не вечны. Боль не вечна. Любовь не вечна. И счастье тоже не вечно. Нет, человек не творец своего счастья, гораздо чаще он его разрушитель.

Неизвестно, сколько он бы спорил с собой, если бы мимо не прошла симпатичная девушка, которая напомнила ему о Ней. Как-то разом исчезло все. Она была с ним. Опять, из ниоткуда, возникли ее лицо, голос, слова, фразы, улыбки. Наверняка она тоже когда-нибудь ходила этой дорогой и даже, быть может, наступала на те же камни, что сейчас у него под ногами. Интересно, о чем она тогда думала? О чем мечтала? Во что была одета? И представляя себе все это, он сам не заметил, как вернулся домой.

Два часа, и они снова увидятся. А пока взгляд его уперся в часы, словно они загородили ему дорогу и не давали пройти. И глядя на них, как на картину, он чувствовал что вот-вот что-то должно произойти. Но ничего не происходило. Мучаясь от нетерпения, он ходил и ходил по комнате, несколько раз включал телевизор и даже начал было поливать цветы, совсем забыв от волнения, что уже делал это сегодня. Раз попробовал читать, но тут же бросил. Книга была про любовь.

Понимая, что происходит, он с обреченной тоской продолжил думать о ней. Мысли его, как мотыльки, кружились вокруг знакомого образа. Он видел перед собой влажный блеск ее губ, глубокие, полные страсти глаза и мягкую впадину у нее на груди, на которую раз взглянул украдкой...

Острая потребность поделиться своими чувствами, заставила его набрать телефонный номер и замереть при звуке далеких и длинных гудков.

— Да? — ответил несколько раздраженный женский голос.

Холодное приветствие сбilo его с толку, и, не зная с чего начать, он замялся.

— Алло. Не молчите, говорите уже, я слушаю. Алло...

— Это...

— Пап, это ты? Пап?

— Да я. Хотел узнать, как...

— Пап, где ты был? Я тебе сегодня два раза звонила. Представляешь, мы сегодня новую мебель купили. Завтра к тебе старую привезем. Жалко выбрасывать, она еще как новая. Надеюсь, ты не против? Я тут все посчитала уже. Но ты не переживай, там совсем немного. Кстати, ты ел сегодня?

— Ел.

— А лекарства принял?

— Да.

— Какой ты у меня молодец. А я тут с этими магазинами заматалась совсем. Представь себе, столько всего накупила...

Зная, что будет дальше, он положил трубку себе на грудь так, чтобы было хоть немного, но слышно. И методично повторяя «кхм» и «угу», стал думать о том, что хорошо все-таки, что у его первой дочери всегда, особенно в детстве, были веснушки, которые никогда не нравились ни ей, ни ему.

— Новый диван...

В школе ее из-за этого постоянно дразнили.

— Стол и стулья такие красивые, ты не...

А он говорил ей, что веснушки у нее, потому что она сильно любит папу.

— И кресло теперь тоже новое...

Она крепко обнимала его за шею, и они шли вместе есть мороженое. Было во всем этом, наверное, что-то справедливое. Решив так, он улыбнулся.

— Пап? Пап, ты меня слушаешь?

— Конечно. Я весь во внимании.

— Прекращай свои шутки. Скажи прямо, у тебя что-то случилось?

— Да нет. Просто я хотел сказать...

— Что у тебя, пап? Тебе снова плохо?

— Ничего. Все нормально, я просто хотел спросить, как дела.

— Точно? Ты меня не обманываешь?

— Нет, правда, все в порядке. Не стоит беспокоиться.

— Ладно, пап, не забывай принимать лекарства и, пожалуйста, помни про завтра. Я тебе еще вечером позвоню.

— Хорошо.

— Целую тебя крепко-крепко, пока, — произнесли на другом конце провода и повесили трубку. А следом одинокие гудки, тишина и неразборчивое «пока» в ответ. А ведь он так и не сказал того, что хотел сказать. Не смог поделиться, или его просто не стали слушать. Впрочем, какая разница — результат-то один. Он набрал другой номер, прислушался.

— Алло? Пап, это ты?

— Угадала...

— И совсем не угадала. Говорила же, я всегда знаю, когда ты звонишь.

— Прости, дорогая, не хотел тебя обидеть.

— Шутка, пап. Не обращай на меня, дуру, внимания. Как у тебя дела? Ты обычно не звонишь.

— Неправда.

— Еще как правда. Наверное, случилось что-то особенное. Я права?

— Не то, чтобы особенное, — замялся он, подыскивая нужные слова.

— Давай-давай, выкладывай, что у тебя там?

— Подожди. Дай мне собраться с мыслями.

— Давай, я слушаю.

— Сегодня, когда я пошел гулять, то зашел в кафе тут недалеко, совсем рядом, и...

— Одну секунду, пап. Ты кушал сегодня?

— Ел? Да, я ел сегодня.

— Прости, что перебила. Теперь я вся во внимании.

— Так вот, сегодня, в кафе я познакомился с одной очар...

— Ой, па, тут кое-кто хочет поздороваться с тобой...

— Я познакомился...

— Ну-ка скажи привет дедушке... ну, давай, дедушка, привет... не хочешь? Па-ааа, представляешь, он не хочет с тобой здороваться, — обиженно произнес голос.

— Ничего, ладно. Все нормально. Передай ему привет от меня.

— Слышишь, дедуля передает тебе привет. Па, он машет тебе ручкой. Так мило... Ой, не надо, не ешь это!.. Пап, давай позже поговорим, я тебе перезвоню.

— Конечно, доченька, давай позже.

— Ты только не обижайся. Хорошо?

— Нет, что ты. Занимайся своими делами. Со мной...

Но, кажется, его уже не слышали, да и слушали ли вообще. Может быть, они просто не поняли, что ему нужно, и вместо всего надо было просто кричать. А может, и правда надо было.

Он вернул трубку на рычаг и вообще отставил аппарат подальше. В запасе у него был еще целый час, но оставаться наедине с самим собой не было никаких сил, поэтому, тяжело поднявшись, он пошел одеваться, по пути утешая себя тем, что выйдет пораньше.

Света он не включал, и в квартире за время телефонных разговоров стало заметно темнее. Глядя на свое отражение, теперь уже больше похожее на тень, он пожалел, что давно не покупал себе новой одежды и напрасно днем надел свой

самый лучший шарф. Рука со шляпой в нерешительности застыла в воздухе. Он медлил.

Прошлые победы всплывали в его памяти, и от этих воспоминаний он почувствовал себя немного увереннее. Теперь, с бесценной шляпой на голове, он был готов к путешествию.

На этот раз он шел быстро, так как погода начала портиться. Поднялся ветер, и небо стало таким плотным и темным, что не было шанса увидеть солнечный свет. Неприятное предчувствие нарастало у него с каждым шагом, а в голове задела одна мысль: «Только бы не пошел дождь, только бы не пошел дождь». По счастью, все обошлось, дождь так и не начался, и он, позволив себе сбавить темп, вскоре услышал: — Добро пожаловать.

Знакомый молодой человек, не без иронии во взгляде, помог ему снять верхнюю одежду и, более того, взял на себя труд отыскать столик, в итоге оказавшийся расположенным как нельзя лучше, прямо у большого окна. По эту сторону стекла было уютно. Бежевые стены с деревянными цветами, свет, мягко просачивающийся сквозь сетку абажуров, запах еды и, конечно, кофе приятно возбуждали аппетит и ласкали душу.

Приняв из рук официанта меню, он, не читая, отложил его в сторону. Читать ему не хотелось. Сейчас, в теплой атмосфере кафе, мыслями он снова был с ней, говорил с ней, говорил то, что никогда не говорил и делал то, что никогда не делал, а она смеялась так, как ему казалось, должна смеяться. Слова, жесты обретали новый, часто придуманный смысл, и это доставляло ему удовольствие.

Иначе говоря, он мечтал, изредка отвлекаясь на звон дверного колокольчика и приветственные слова официанта. Тогда, вынырнув из своих грез в реальность, он смотрел в окно, на то самое место, где сидел пару часов назад, теперь уже совершенно пустое, и, не обращая внимания на косые взгляды людей в зеленых передниках, мысленно возвращался назад: к себе, к ней. И воображал, как она войдет через ничем не примечательную дверь, как улыбнется ему, и как они будут разговаривать, шутить, смеяться. Он неожиданно для себя понял, что где-то в глубине души не хочет, чтобы она приходила.

Тогда он не будет ничего рассказывать, вспоминать прошлое, а просто наденет шляпу и пойдет домой. Красивая сказка с открытым концом, что может быть лучше?

Но в действительности он уже видел, как она поднялась на террасу и идет прямо к двери. Красивая, спокойная, независимая, в маленьком черном платье, она выглядела даже лучше, чем днем, и даже лучше, чем он только мог себе представить. Давно позабытое волнение внезапного охватило его, и в груди что-то нетерпеливо забилося. Короткий миг, падение песчинки, и он...

Он понял, что влюблен в нее. Любит ее, как только мужчина может любить женщину. И теперь во всем мире нет для него существа дороже и прекраснее, чем она. Сейчас он ее поприветствует и обязательно... что сделает? Что скажет? Бывший пианист. Смешно.

Какая же из всего этого может выйти глупость. Жаль, что никто из них не остался дома. Ведь была же у него такая мысль: не прийти, сбежать, спрятаться. Но тогда почему, несмотря на весь свой страх, который она одним своим появлением внушила ему, он продолжает следить за ней. Ищет глазами ее глаза и, найдя, хочет раствориться в них, исчезнуть.

Она тоже увидела его и улыбнулась. Слабо, бесцветно, как улыбаются всегда, когда веселиться совсем не хочется. Рука ее коснулась ручки двери и остановилась. Рядом с ней появился мужчина. И ее рука, секунду назад сжимавшая дверную ручку, безвольно разжалась.

Старик все видел. Неловкость, объятия, поцелуй. Нежный, простой поцелуй, такой, словно он был первый, а не следовал после долгой разлуки. Руки, скользящие сперва по спине, шее и, наконец, лицу. Милому, родному, прекрасному лицу с закрытыми от закипающей страсти глазами и открытыми для все новых и новых прикосновений губами, следовавших одно за другим. Внутри у него как будто оглушительно оборвалась струна, и разом стало пусто. Что-то, совсем недавно так сильно бившееся в груди, остановилось, может, даже перестало существовать. И в этой полнейшей пустоте три слова, ярких и предельно понятных слова: Что? Дурак. Конец. А потом туман — плотный, непроницаемый, тяжелый.

Дальше он уже не мог ничего видеть. Голова его сильно кружилась. Не понимая толком, что делает, он уставился в закрытое меню, как заколдованный, вперившись в несколько букв, написанных на кожаном переплете. В груди у него закололо, заныло, ему стало не хватать воздуха. И непонятно откуда взявшаяся паника с безумным упорством затвердила ему: домой, домой.

Плохо соображая, шатаясь, он попытался встать, но зацепился ногой за ножку стола и, едва устояв на ногах, так неудачно навалился на вешалку, что она упала. Зазвенела посуда, поднялся шум. Кто-то в страхе отсел от него подальше.

— Чудной старик, что это ему неймется, — послышался сзади чей-то насмешливый голос.

Но он не заметил этого, не видел, что на него все смотрят, не слышал, что про него говорят. Да и какое это, собственно, сейчас имело значение. Какое это вообще имеет значение? Когда он, самый несчастный человек в мире, продевая руку в рукав, даже не заметил, что все еще держит меню. Кому до этого какое дело?

Всеми силами стараясь идти прямо, он пошел к выходу. Там, на улице, в безразлично холодном парке ему станет лучше. Но у двери ему внезапно снова сдавило грудь и стало не хватать воздуха. Он сделал глубокий вдох сначала носом, потом ртом — не помогло. Было трудно дышать. На миг ему показалось, что он так и задохнется в этом чужом месте, умрет среди незнакомых людей. Однако начавшееся удушье стало постепенно спадать, и первым, что он увидел, открыв глаза, было уже знакомое лицо официанта.

— С вами все в порядке? Вам нехорошо? — негромко произнес тот, и рука его участливо легла на плечо старика.

Он хотел что-то ответить, но вместо слов только и смог, что набрать нового воздуха и беспомощно облокотиться на стену.

— Воды! Дайте воды! — крикнул официант, и сразу все вокруг как-то засуетилось, пришло в движение. Беспokoйный ропот прошел по рядам зала, случайно ставшего зрительным. Поднялся топот множества ног, с неприятным скрежетом задвигались стулья, а несколько женщин даже прикрыли рты руками.

Когда наконец принесли стакан с водой, он не захотел пить, но нависшая над ним мужская фигура чуть ли не насильно приставила стакан к его рту, и выбора не осталось. Вода помогла, ему стало легче. Он выпрямился, сделал шаг назад. Все, абсолютно все, смотрели на него, и ему стало неудобно. Не от взглядов, нет, а от чувств, светлых, прекрасных, которые довели его до того, что все, абсолютно все, без стеснения могут смотреть на него. Нетвердо держась на ногах, как человек, приходящий в себя после удара, он собирался уйти, как сзади послышалось неожиданное: «Вы забыли вашу шляпу», и ему пришлось развернуться.

Знакомая, родная, она была в руках у другого человека, как будто вовсе и не была его самой большой ценностью. После стольких лет, проведенных вместе, как мог он бросить ее? Сетуя на самого себя, он принял шляпу и только тогда заметил в глазах официанта сочувствие и понимание.

На миг ему показалось, что это вовсе не кафе, а привычный для него ресторан, а люди в зеленых передниках его коллеги. День только начался, впереди много работы. Жаль, но сегодня он немного нездоров, и уйдет пораньше, ничего не съграв. Что ж, в таком случае он отыграет все завтра, а сейчас... он опустил взгляд на черный предмет у него в руке. «Она заставляет людей забыть все плохое и начать улыбаться», — вспомнились ему его же собственные слова. А сейчас он пойдет домой и больше сюда никогда не вернется.

Сидя дома на кровати в полной тишине, он думал о том, что вот он сейчас здесь, а она там — в объятиях незнакомого мужчины. Глаза ее прикрыты, грудь медленно поднимается и опускается, она тяжело дышит. Он прикасается к ней, к плечам, шее, губам. Чувствует под собой то грубую ткань платья, то мягкую нежность кожи. Ощущает ее встречное движение. Не спеша, шаг за шагом, возносясь к самым вершинам блаженства, на секунду жалея, что нет между мужчиной и женщиной большей близости, чем та, которую они испытывают. Воображаемые картины причиняли ему боль, вместе с которой вернулось удушье. Стало тяжело дышать. Но, вопреки здравому смыслу, он уже не мог заставить себя остановиться, по-прежнему мысленно продолжал крепко сжимать ее в своих объятиях. Прижиматься к ней. И от этого, и от всего, что с ним происходит, ему захотелось закричать или хотя бы просто выговориться, освободить душу. Но рядом не было никого, он был один. И, быть может, если бы сейчас зазвонил телефон, то этого было бы достаточно. Однако бездушный аппарат молчал, и не оставалось ничего другого, как терпеть эту боль, смутно понимая, что эта боль даже приятна.

Солнечные лучи уступили место дождю. В такт налетевшему ветру закачались деревья. В это время в одном из кафе официанты в зеленых передниках предупредительно подавали новым посетителям — мужчине и женщине — дымящийся кофе.

И никто не вспомнил о старике, неподвижно сидевшем перед открытым пианино и смотревшем куда-то далеко-далеко, где нет печали и где звучит божественная музыка. Не выходя из своих грез, он провел рукой по онемевшим от времени клавишам — черной, белой, потом опять черной — и улыбнулся.

